

обращения: 20.07.2015).

9. Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. – № 4 – С. 274–280.

10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 393 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/519798/> (дата обращения: 20.07.2015).

11. Шмитт К. Теория партизана Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца – М.: Практис, 2007. – 50 с. – Режим доступа: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (дата обращения: 20.07.2015).

1. Evsta'eva A.V. Adresant i adresat «yazyka vrazhdy» v tekstax sredstv massovoy informacii // Vestnik TyumGU. – 2008. – № 1. – С. 125–133.

2. El'cin B.N. Zapiski prezidenta. M.: Ogonyok, 1994. – 262 s.

3. Karasik V.I. O tipax diskursa / V.I. Karasik // Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. – Volgograd, 2000. – С. 5–20.

4. Kodan, S.V. Istochniki lichnogo proisxozhdeniya: ponyatie, mesto i rol' v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovyx

yavlenij // Genesis: istoricheskie issledovaniya.– 2014. – № 3. – С. 60–93.

5. Korobkova, O.S. Markery yazyka vrazhdy v nominaciyax e'tnicheskoj prinadlezhnosti: sociolingvisticheskiy aspekt // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. Seriya filologiya. – 2011. – № 111. – С. 200–205.

6. Nemeov B.E. Ispoved' buntarya. M.: Partizan, 2007. – 216 s.

7. Nemeov B.E. Provincial. M.: Vagrius, 1997. – 120 s.

8. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Rezhim dostupa: <http://www.ozhegov.org/words/4240.shtml> (data obrashheniya: 20.07.2015).

9. Sokolova E.P. Agressivnye tendencii v rossijskix SMI kak proyavlenie osobennostej politicheskoy kul'tury // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2010. – № 4 – С. 274–280.

10. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizaciya. Obshhestvo. Obshh. red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov: Per. s angl. – M.: Politizdat, 1992. – 393 s. – Rezhim dostupa: <http://www.twirpx.com/file/519798/> (data obrashheniya: 20.07.2015).

11. Shmitt K. Teoriya partizana Obshh. red., sost. i predisl. A. Yu. Sogomonov: Per. s nem. Yu. Yu. Korinca – M.: Praxis, 2007. – 50 s. – Rezhim dostupa: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (data obrashheniya: 20.07.2015).

UDC 316.444.3 + 81'42 + 81'94

THE MANIFESTATION OF THE DISCOURSE OF ENMITY IN THE GENRE OF AUTOBIOGRAPHY IN THE PROCESS OF VERTICAL POLITICAL MOBILITY

Fursov Kirill Konstantinovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: biathlon91@mail.ru

Annotation

The discourse of enmity and political mobility can be connected via the genre of autobiography and memoir. Upward Mobility creates individual and collective struggle for the movement between the political strata. The most convenient way to track a combination of discourse of hostility and political mobility in autobiographical works Boris Nemtsov. They showed that the ideological principles influenced for the discourse of enmity. An additional factor of personal animosity to government subjects and the population has become a downward vertical mobility.

Key words:

vertical political mobility, discourse of enmity, genre of autobiography.

УДК 327.8

ФАКТОР МОБИЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется связь категорий мобильности и «мягкой силы». Указывается, что различные виды мобильности могут выступать показателями и источниками «мягкой силы» государства.

Ключевые слова:

мягкая сила, мобильность, ресурсы власти, общественная дипломатия.

Изменения, происходящие в мире в конце XX века, стимулировали ученых разрабатывать и искать теории, позволяющие объяснять реальность, а политиков – выбирать новые модели поведения в динамичных условиях. В это время началось бурное развитие различных направлений международных отношений: неореализма, неолиберализма, конструктивизма и пр. В рамках неолиберальной теории американский политолог Дж. Най начал разработку концепта «мягкой силы». Он определил ее как «способность достигать желаемого результата посредством притяжения, а не принуждения или платежей». «Мягкая сила» возникает благодаря привлекательности культуры страны, политических идеалов и политики» [4, с. X].

Дж. Най выделил несколько тенденций, которые повлияли на диффузию сил и заставили его обратиться к исследованию нового концепта:

– Новые формы связи и транспортировки, позволяющие значительно сократить

расходы компаний, ускорили развитие транснациональных корпораций, передвинули экономическую активность за границы государств.

– Возросшая коммуникация в развивающихся странах и урбанизация перенесли некоторую долю силы к частным акторам. Возросшая социальная мобилизация сделала военную интервенцию и внешнее управление более дорогостоящими, тогда как в XIX веке великие державы могли управлять целыми колониями при помощи небольших войск.

– Постоянное увеличение количества информации привело к тому, что значимым ресурсом власти стала способность быстро ее сортировать, выбирать, своевременно на нее реагировать [3, с. 161].

Британский социолог З. Бауман, автор метафоры «текущая современность» расширяет этот список: «люди больше не так покорны, как в прошлом, и не так боятся наказания, однако, они становятся более восприимчивыми к соблазнам. От принудительной твердой власти

отнодь не отказались, но регулярные войска вряд ли встретятся лицом к лицу» [2].

Таким образом, *мобильность*, динамичность, сеть, глобализация и взаимозависимость стали характерными особенностями современности. Дж. Най признает, что глобализация сегодня американо-центрична. Большая часть информационной революции приходится на США, большая часть содержания глобальных информационных сетей в настоящее время созданы в Соединенных Штатах и повышают их «мягкую силу». Однако происходящая в мире глобализация – больше, чем американизация. Глобализация не подразумевает универсальность, она сопровождается увеличением пробелов между богатыми и бедными, она не отменила национальные границы. В социальном плане возрастающее число контактов между людьми с разными ценностями и религиозными убеждениями способно привести к конфликтам [5, с. 83]. Информационная революция не устранила неравенство между сильными и слабыми государствами, ведь для сбора и производства новой информации необходимы ресурсы. Слабое технологическое развитие, недостаточный экономический потенциал, незащитность в киберпространстве делают многие государства мира неконкурентоспособными по сравнению с ведущими державами в мире информационных потоков и сетей.

Мобильность и «мягкая сила» тесно связаны между собой, причем характер их связи может быть различен. Мобильность – это междисциплинарное понятие. Исследователи выделяют несколько видов мобильности: социальная, академическая, культурная, профессиональная и другие.

Мобильность, выраженная в форме *миграции*, может быть как показателем, так и источником «мягкой силы». Притягательная культура, положительный образ страны, экономическое благосостояние, соблюдение прав – эти и другие параметры образуют потенциал «мягкой силы» и, в то же время, являются так называемыми pull-факторами (факторами притяжения мигрантов). Так, несмотря на труд-

ности, связанные с высоким уровнем иммиграции и социальными проблемами, в течение длительного времени иммиграция усиливала «мягкую» и «жесткую» силу Соединенных Штатов.

Интересно, что в теоретических концепциях миграционных исследований присутствуют понятия «мягкий» и «жесткий факторы», выталкивающие людей из стран обитания. В 1996 г. исследователь С. Еберг [6] к «жестким» факторам причислил военные конфликты, гуманитарные кризисы и экологические катастрофы, а к «мягким» – бедность, социальное неравенство и безработицу.

Возможность социальной мобильности в принимающей стране – фактор привлекательности, увеличивающий ее «мягкую силу». При этом мигрант совсем не обязательно добьется успеха и поднимется на новый социальный уровень: здесь важен сам миф о возможности успеха. Ценности демократии, личной свободы, вертикальной мобильности и открытости, которые часто выражаются в американской популярной культуре, высшем образовании и внешней политике, способствуют американской власти во многих областях.

Взаимосвязанность мобильности и «мягкой силы» наиболее ярко и всеобъемлюще демонстрирует пример *общественной дипломатии*. Классическая, или «кабинетная дипломатия» – это прямое общение руководства стран, часто конфиденциальное. Однако иногда полезно общаться с населением других государств с целью косвенного влияния на их правительства. Такая непрямая модель дипломатии называется общественной. Для нее важны эффективные двусторонние отношения, не только изложение своей позиции, но и получение обратной связи, поэтому *обмены* (профессиональные, академические, культурные) всегда более эффективны, чем одностороннее вещание. Общественная дипломатия – это не только рутинная ежедневная коммуникация и разовые кампании, но и долгосрочные отношения с ключевыми индивидами в течение многих лет. Эффективность общественной дипломатии измеряется результатами опросов

общественного мнения, а не количеством денег, потраченных на общественную дипломатию. Децентрализация, уменьшение контроля над общественной дипломатией способствуют увеличению «мягкой силы» в глобальную информационную эру, однако правительство почти всегда стремится к такому контролю.

Связь академической мобильности с «мягкой силой» – не новое явление. В Средние века один университет объединял студентов и преподавателей из многих европейских стран, преподавание шло на латыни. Распространение веры посредством образования – инструмент мягкой силы церкви. В дальнейшем британцы часто обучали людей из своих колоний. Такие студенты образовывали опору колониальной администрации.

Мягкая сила образования реализуется двумя путями:

1) Обучение элит или будущих лидеров других стран (так, «американские исследовательские университеты сыграли большую роль в распространении неолиберального дискурса, на их базе были подготовлены многие зарубежные специалисты, в том числе из бывших стран социалистического лагеря, которые, возвращаясь в свою страну, стали ключевыми фигурами в процессе практического внедрения в жизнь неолиберальной доктрины» [1, с. 261]).

2) Обучение людей, не принадлежащих к элите, которые после завершения учебного процесса благоприятно оценивают страну, в которой обучались. Иностранные студенты часто перенимают методы, подходы, философию, академическую культуру, свойственные научной и образовательной системе страны пребывания. Очень важно, что после возвращения домой они сохраняют профессиональные и дружеские связи с жителями страны обучения.

Обмены учеными, студентами и преподавателями способствуют лучшему пониманию друг друга разными народами. Самостоятельно полученное представление о стране, образование «из первых рук» устраняют стереотипы и страхи, рожденные ошибочными сведениями и недостатком информации, способствуют

установлению межкультурных связей. В то же время увеличение числа контактов между различными культурами способно увеличить возможность культурных конфликтов и стать причиной психологического стресса. Для того чтобы образовательные программы становились источниками мягкой силы, необходимо тщательно планировать международные программы, учитывать международный опыт и своевременно производить необходимые коррекции программ обучения.

Таким образом, в современную эпоху приобретают особую значимость категории мобильности, динамичности, подвижности, что не может не отражаться на тематике научных исследований. Изменения, произошедшие в мире, повлияли также на характер властных отношений, повысили значимость «мягкой силы». Мобильность может выступать в роли как показателя наличия или отсутствия «мягкой силы» государства, так и инструмента, активно применяемого ведущими державами для увеличения своего влияния.

1. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2012. – Вып. 12. – С. 259–271.

2. Bauman Z. Soft Power and Hard Facts // Social Europe. URL: <http://www.social-europe.eu/2012/05/soft-power-and-hard-facts/> (дата обращения: 16.03.2015).

3. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.

4. Nye J. Soft Power: The means to success in world politics. Public Affairs, 2005. 191 p.

5. Nye J. The paradox of American power. New York: Oxford University Press. 2002. 240 p.

6. Öberg, S. Spatial and economic factors in future South-North migration // The future population of the world: what can we assume today? London, 1996. – P. 336–357.

1. Rusakova O.F., Xmelinin A. A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i tehnologii konstruirovaniya novoj sub"ektnosti // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. – 2012. – Vyp. 12. – S. 259–271.

2. Bauman Z. Soft Power and Hard Facts // Social Europe. URL: <http://www.social-europe.eu/2012/05/soft-power-and-hard-facts/> (дата обращения: 16.03.2015).

3. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.

4. Nye J. Soft Power: The means to success in world politics. Public Affairs, 2005. 191 p.

5. Nye J. The paradox of American power. New York:

UDC 327.8

THE FACTOR OF MOBILITY FROM THE SOFT POWER POINT OF VIEW

Kovba Daria Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Annotation

The paper explores the relationship between categories of mobility and soft power. It is pointed out that different types of mobility can be indicators and sources of state's soft power.

Key words:

soft power, mobility, resources of power, public diplomacy.

УДК 327.3

ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ В ИСЛАМЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАМНЕЗ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Доклад посвящен формированию анамнеза дискурса мобильности в исламе. Автор делает попытку обобщить связанные с мобильностью дискурсивные комплексы и выявить пути их исторической детерминации. История вопроса рассматривается в триедином ключе, как совокупное влияние идеи изменений в трех кейсах: младотурецкой революции 1908–09 годов; июльской революции 1952 года в Египте и исламской революции в Иране 1979 года. Рассматривается антагонизм понимания и реализации концепта мобильности в условиях западной и восточной политий. В заключении обозначаются особые дефиниции, связанные с дискурсом мобильности современности. Также в рамках предложенного подхода рассматривается наиболее вызывающий проект современности – группировка «Исламское государство».

Ключевые слова:

политический ислам, мазхаб, дискурс мобильности, дискурс изменений, исламские революции, Арабская весна, Исламское государство.

Последние годы отметились в общественных науках особым интересом к политическим изменениям и продуцируемым ими последствиям. На этой основе происходит формирование новых дискурсивных комплексов, способных воспроизводить эвристическую декомпозицию исследуемых смыслов. Одним из таких комплексов, в отношении которого академическим сообществом проявляется особое внимание, является дискурс мобильности.

Дискурс мобильности является отражением ускоряющегося темпа современной жизни, детерминируемого глобализацией. В целом, данное измерение дискурса затрагивает социально-политические процессы, связанные

с изменениями, адаптацией, динамикой, передвижением. «Пристальное внимание к дискурсу мобильности связано с пониманием большой значимости разнообразного рода подвижностей людских, вещественных и информационных потоков в процессе формирования новых конфигураций социального пространства и времени. Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику» [11, с. 245].

Большинство этих процессов, выраженных в ипостаси современных и постmodernых